

Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою катати заглушить
Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный;
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное — смѣшно.

XXIX.

Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,
И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубащи.
О, скоро-ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка родного,
Съ бокаломъ влаги золотой,
При звукахъ пѣсни полковой?
И скоро-ль ментиковъ червонныхъ
Привѣтный блескъ увижу я,—
Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
На строй гусаровъ полусонныхъ
И на бивакъ ихъ у лѣска,
Бросаетъ лучъ изподтишка?

XXX.

Съ Авдотьей Николавной рядомъ
Сидѣлъ штабсъ-ротмистръ удалой,
Впился въ нее упрямымъ взглядомъ,
Крутя усы одной рукой.
Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билось...
И вдругъ — не знаю, какъ случилось,—
Ноги ея, иль башмачка,
Коснулся шпорой онъ слегка.
Тутъ начались извиненья,
И завязался разговоръ;
Два комплимента, нѣжный взоръ —
И ужъ дошло до изъясненья...
Да, да, какъ честный офицеръ!
Но казначейша — не примѣръ.